

зала 18
шкафъ 183
полка 4
№ 40 2

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА
СЕМИРЪЧЕНСКАГО
ОБЛАСТНОГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА
на 1898 годъ

ТОМЪ II.

Г. ВЪРНЫЙ.

ТИПОГРАФІЯ СЕМИРЪЧЕНСКАГО ОБЛАСТНОГО ПРАВЛЕНІЯ.

1898 г.

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЭКСКУРСІЙ ПО ПИШПЕКСКОМУ УѢЗДУ И ПО БЕРЕГАМЪ ОЗЕРА ИССЫКЪ-КУЛЯ.

I.

„Однажды я проходить по улицамъ весьма древняго и удивительно многлюднаго города и спросилъ у одного изъ встрѣтившихся мнѣ жителей: „давно-ли основанъ этотъ городъ?“ — „Дѣйствительно, это весьма древній городъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, но мы не знаемъ, съ которой поры онъ существуетъ, да и наши предки тоже ничего не знали объ этомъ, по крайней мѣрѣ они намъ ничего не могли сказать объ этомъ.“ — Пятьсотъ лѣтъ спустя я снова проходить по этому же самому мѣсту и не замѣтилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ когда-то бывшаго здѣсь города. Я спросилъ у крестьянина, косившаго траву на мѣстѣ прежней столицы: „давно-ли она разрушена?“ — „Чудный вопросъ я слышу отъ тебя, старикъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, эта земля никогда ничѣмъ не отличалась отъ той, какою ты ее теперь видишь.“ — „Но развѣ прежде не было здѣсь когда-то большого и богатаго города?“ сказалъ я. — „Никогда, отвѣчалъ онъ мнѣ, никакихъ городовъ здѣсь не было, по крайней мѣрѣ мы ихъ не видѣли, да и отцы наши никогда намъ ничего объ этомъ не говорили.“ — Черезъ пятьсотъ лѣтъ я снова возвратился на это мѣсто и нашелъ уже здѣсь море. На недалекомъ разстояніи отъ берега стояли разбросанныя тамъ и сямъ бѣдныя и невзрачныя рыбацкія хижины. Увидѣвъ на берегу толпу рыбаковъ, расправлявшихъ свои невода, я подошелъ къ нимъ и спросилъ ихъ: „давно-ли эта земля покрылась водою?“ — „Тебѣ-ли объ этомъ спрашивать, сказали они, это мѣсто всегда было такимъ же моремъ, какъ и теперь.“ — Спустя еще пять вѣковъ, я опять возвратился сюда и не нашелъ никакихъ слѣдовъ моря, передъ мной разстилалась громадная мертвая пустыня. Изнуряемый знойными лучами палящаго солнца, я съ большимъ трудомъ прошелъ ее всю и нигдѣ не замѣтилъ слѣдовъ бывшаго когда-то моря. Въ одномъ мѣстѣ, среди пустыни, я встрѣтилъ небольшой оазисъ плодородной земли и увидѣлъ тутъ одиноко стоявшаго человѣка. Подошедши къ нему, я попросилъ у него напиться

воды. Утоливъ свою жажду, я спросилъ у него: „давно-ли произошла такая перемѣна?“ и получилъ отвѣтъ такой же, какъ и прежде.—Наконецъ черезъ такой же періодъ времени я снова пришелъ сюда же и опять нашелъ громадный цвѣтущій городъ.—Послѣдній былъ еще многочисленнѣе и еще богаче и роскошнѣе постройками, чѣмъ тотъ, который я видѣлъ въ первый разъ и, когда освѣдомился о времени его происхожденія, то жители его съ нескрываемою гордостью и самодовольствомъ отвѣчали мнѣ: „начало нашего города теряется въ глубокой древности, такъ какъ мы сами не только не знаемъ, давно-ли онъ существуетъ, но и наши предки такъ же, какъ и мы, ровно ничего не знали объ этомъ.“

Такими словами арабскій писатель Магометъ Казвини, жившій въ VII вѣкѣ гиджры, или въ концѣ XIII столѣтія нашей эры и славившійся въ свое время глубокою мудростью, изображаетъ недолговѣчность человѣческой памяти.—Въ такомъ же положеніи, какъ и аллегорическая личность вышеупомянутаго писателя, былъ и я, когда въ маѣ 1885 года я нашелъ и увидѣлъ впервые близъ селенія Токмака камни съ высѣченными на нихъ изображеніями креста и съ какими-то непонятными и загадочными для меня письменами, отчетливо выбитыми на этихъ камняхъ вокругъ крестовъ. На вопросы мои, обращенные къ наиболѣе пожилымъ и наиболѣе искусившимся въ книжной премудрости туземцамъ: не жили-ли когда-либо здѣсь народы, исповѣдывавшіе христіанство, и какіе именно,—всѣ, спрашиваемые мной, туземцы категорически, въ одинъ голосъ, отвѣчали, что такихъ народовъ здѣсь никогда не было, да и отъ предковъ своихъ они ничего подобнаго не слыхали никогда. Очевидно, что послѣдніе и сами ничего не знали объ этомъ.—Но оставляя въ сторонѣ отрицательные отвѣты туземцевъ, которые, какъ оказывается, и сами-то были здѣсь сравнительно недавними насельниками этой страны *), первое извѣстіе, сообщавшее объ открытіи двухъ древнихъ христіанскихъ кладбищъ близъ Токмака и Пишпека, произвело громадное впечатлѣніе какъ здѣсь, на мѣстѣ, такъ и въ ученомъ мірѣ. Да оно и понятно. У всѣхъ у насъ чуть-ли еще не до школьной скамьи

*) Здѣшніе киргизы не разъ мнѣ говорили, что они живутъ въ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской области не болѣе 200—250 лѣтъ.

сложилось убѣжденіе, получившее со временемъ характеръ непреложной истины, что Средняя Азія—страна насилия, произвола и безправія, что въ этой странѣ искони вѣковъ парилъ неограниченный, ничѣмъ несдерживаемый деспотизмъ тюркско-монгольскихъ хановъ, которые достигали власти или приобрѣтали ее цѣною многихъ человѣческихъ жертвъ и въ большинствѣ случаевъ, почти всегда, ради обезпеченія своего владычества и своего личнаго сноукійствія каждый изъ этихъ хановъ начало вступленія своего въ управленіе странною ознаменовывалъ истребленіемъ не только близкихъ, но и дальнихъ родственниковъ и приверженцевъ какъ предшествовавшаго владѣтеля, такъ нерѣдко и своихъ же родныхъ, которые всегда казались почему-то опасными и подозрительными,—такой же участи подвергались и приверженцы послѣднихъ. Чтобы упрочить свое недавнее владычество, эти властители не стѣснялись никакими средствами и съ изумительнымъ хладнокровіемъ истребляли множество ни въ чемъ неповинныхъ людей, такъ что не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что не только основаніе, но и весь тронъ этихъ владыкъ состоялъ изъ груды человѣческихъ тѣлъ, связанныхъ цементомъ изъ крови и слезъ. Каждый вновь проявившійся такой властитель, даже самаго небольшого владѣнія или города, импонировалъ другому, себѣ подобнаго, и смежныя ему племена не суммою сдѣланнаго имъ добра, а количествомъ пролитой имъ человѣческой крови; тотъ изъ нихъ считался сильнымъ и правымъ, кто могъ насчитать за собою большее число жертвъ своего злодѣйства.—Высокія нравственныя качества и достоинства въ томъ смыслѣ, какъ они нами понимаются, не только игнорировались и не уважались, а, напротивъ, презирались и служили предметомъ издѣвательства надъ тѣми, въ комъ замѣчалось хотя слабое ихъ проявленіе. Наоборотъ, лицемеріе и коварство, грубая лесть и жестокость считались достоинствомъ, служили выраженіемъ силы, ума и находчивости. Съ представленіемъ о такихъ отрицательныхъ нравственныхъ качествахъ средне-азіатскихъ владѣтелей нерѣдко складывалось убѣжденіе и объ ихъ физическихъ уродствахъ и безобразіяхъ. Такъ, про одного изъ нихъ, а именно Тулекъ-Эмира сказываютъ, что онъ настолько былъ дороденъ, что въ сапогъ его влѣзало семилѣтнее дитя.—Ка-

ковы были нравственные качества этого монгольского чудища, намъ неизвѣстно.

Въ такихъ непривлекательныхъ краскахъ въ умѣ каждаго изъ насъ представляется прошлая жизнь обитателей Средней Азіи; хотя, правда, новѣйшая исторія показываетъ нѣсколько и иное: оказывается, что и въ этой странѣ иногда появлялись люди и правители, и притомъ изъ мусульманъ, которые были одушевляемы лучшими стремленіями, и въ средѣ окружавшаго ихъ вѣкового безправія они старались внести и посѣять болѣе справедливыя отношенія между своими подданными. Позднѣйшая исторія говоритъ намъ, что и здѣсь были люди и властители, которымъ дорога была правда, люди, которые лозунгомъ своей жизни ставили справедливость. Такъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ мусульманскаго міра Хайдеръ-Мирза, авторъ Тарихи Ришиди, упоминаетъ объ одномъ изъ правителей Восточнаго Туркестана — Худай-дабѣ, какъ о человѣкѣ рѣдкихъ достоинствъ, который властвовалъ надъ Кашгаромъ, Хотаномъ, Аксу, Баемъ и Кучею и подъ его рукою состояло 64000 кибитокъ, между тѣмъ какъ у самого не было ни стада, ни прислужниковъ. Случалось нерѣдко, что у него не было ни одной верховой лошади. Предстояло ли куда ему отправляться, такъ родные или пріатели снаряжали его въ путь. Всѣ доходы, которые онъ получалъ отъ своихъ обширныхъ владѣній, употреблялись имъ на дѣла благотворительности. — Своихъ подданныхъ мусульманъ, захваченныхъ кѣмъ-либо въ плѣнъ, онъ всемірно старался освобождать и отправлялъ этихъ несчастныхъ обратно на родину, снабжая ихъ лошадьми и всѣмъ нужнымъ по пути. Въ заключеніе долговременной и образцово-благочестивой своей жизни Худай-дабъ отправился на поклоненіе въ Мекку и на возвратномъ оттуда пути умеръ въ Мединѣ, гдѣ и погребенъ. *) — Такъ относился этотъ правитель къ своимъ единовѣрцамъ-мусульманамъ; но намъ совершенно неизвѣстно, какъ этотъ благочестивый и правовѣрный властитель относился къ тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые исповѣдывали другую религію, или къ иновѣрцамъ-чужеземцамъ; — надобно полагать,

*) В. В. Григорьевъ. Восточный или Китайскій Туркестанъ, т. II. С. П. Б. 1869 года.

что такой горячей любви къ этимъ послѣднимъ онъ не проявлялъ, какъ къ своимъ собратьямъ по вѣрѣ, иначе его историкъ не преминулъ бы упомянуть объ этомъ важномъ обстоятельстве, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что авторъ, оставившій намъ жизнеописаніе Худай-даба и такъ его воспѣвшій, если не ошибаемся, доводился ему родственникомъ. — Про другого правителя Восточнаго Туркестана — Санзисъ-Мирзу также рассказываютъ, что правленіе его отличалось „строгой справедливостью“. — Но все эти свѣдѣнія исходятъ изъ мусульманскихъ источниковъ и имъ довѣрять вполне нельзя. Но если даже сообщаемые мусульманскими историками эти факты и достовѣрны, то они остаются единичными, почему и вліяніе этихъ добрыхъ правителей было непродолжительно, а, слѣдовательно, и непрочно. — Узкій фанатизмъ и неограниченный произволъ послѣдующихъ властителей, точно морская волна, легко и скоро смывалъ благотворныя начинанія ихъ добродѣтельныхъ предшественниковъ; почему и посѣянные послѣдними кое-какія сѣмена добра и даже „строгой справедливости“, не находя для дальнѣйшаго роста благопріятной почвы, должны были, по неволѣ, навсегда загдохнуть, не принеся должныхъ плодовъ. Кромѣ того, нападавшія съ востока одни за другими полчища дикихъ кочевниковъ на молодая еще неокрѣпшія въ своемъ внутреннемъ устройствѣ средне-азіатскія государства, внося насиліе и жестокость, также нарушали правильное и спокойное развитіе этихъ государствъ; эти набѣги восточныхъ кочевниковъ быстро опрокидывали и разрушали весь прежній строй и порядокъ ихъ жизни. Такимъ образомъ, съ одной стороны, внутреннія неурядицы, а съ другой частыя вторженія различныхъ кочевыхъ племенъ не давали возможности средне-азіатскимъ народамъ выработать твердыя начала государственной жизни, начала, основанныя на достоинствѣ и уваженіи отдѣльной личности, и которыя гарантировали бы свободу и безопасность каждаго человѣка, также и его достояніе, нажитое тяжелымъ трудомъ. Внутри страны — свой деспотъ, неограниченный и жестокій, скорѣе издѣвающійся надъ своими подданными, нежели заботящійся о благополучіи и счастіи ихъ, такъ какъ, слѣдуя только своему капризу и своей личной прихоти, этотъ деспотъ самовольно распоряжался жизнью и имуществомъ своихъ под-

данныхъ, а снаружи также неменѣе злой врагъ, часто и неожиданно набѣгающій, и какъ бурный потокъ, стремительно все разрушающій и уничтожающій или захватывающій все, что только легко и удобно можно унести съ собою; почему обитатель Центральной Азіи, въ теченіе длиннаго ряда столѣтій, только видѣлъ вокругъ себя насиліе, безправіе, участія же и состраданія къ своему тяжелому положенію онъ ни въ комъ не находилъ и не встрѣчалъ; только грубая сила, а въ случаѣ слабости, лесть и хитрость, или безотвѣтная покорность, выражаемая въ унижительной формѣ, считались лучшими качествами и достоинствами этого обитателя; только такіа качества могли сохранить ему жизнь и сдѣлать ее до нѣкоторой степени сносной и безопасной; хотя и это не всегда удавалось и не такъ часто приносило ему желанное спокойствіе.

Нахлынувшее съ запада мусульманство съ его деспотическимъ ученіемъ о предопредѣленіи только еще больше парализовало духовныя силы принявшихъ его народовъ, оно убило въ нихъ всякое проявленіе свободной дѣятельности духа и мысли, подавивъ въ нихъ малѣйшій проблескъ личной энергіи. Мусульманство совсѣмъ обезличило своихъ новыхъ поклонниковъ, возвысивъ еще болѣе власть ихъ правителей и тѣмъ санкціонировавъ въ глазахъ принявшей его толпы деспотизмъ и произволь, которыми они и до того руководились въ пріемахъ управленія своими подданными. — Ничего отраднаго и утѣшительнаго не внесла религія Магомета въ жизнь средне-азіатскихъ обитателей; она окончательно заглушила всѣ ихъ высшія побужденія и благородныя стремленія, кромѣ животныхъ или физическихъ, обрекла на неподвижность и полный застой, что равносильно было смерти. — Правда, одно время, въ вѣкъ процвѣтанія арабовъ, „исламъ былъ самымъ вѣрнымъ авангардомъ цивилизаціи въ теченіи пяти или шести столѣтій.“ и „либеральная политика преобладала въ теченіи столѣтій на пространствѣ отъ Оксуса до Пиринеевъ,“ говоритъ Мармери *), но несмотря на блестящій расцвѣтъ арабской образованности и

*) Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты, сочиненіе Дж. В. Мармери С. П. Б. 1896 г. Изданіе О. Н. Поповой.

болѣе или менѣе долгое ея существованіе въ нѣдрахъ Средней Азіи, образованность эта не могла проникнуть къ кореннымъ средне-азіатскимъ обитателямъ, съ одной стороны, потому, что духовныя силы и способности этихъ народовъ не были еще настолько развиты и подготовлены къ воспріятію тѣхъ высокихъ научныхъ сокровищъ, носителями которыхъ были одно время здѣсь арабы, явившіеся прямыми продолжателями науки и просвѣщенія всего древняго міра и, главнымъ образомъ, греческаго; а съ другой стороны, всѣ эти ученые, начиная съ арабовъ, были сами пришельцами въ Средней Азіи, слѣдовательно, они были чужды духу народовъ средне-азіатскихъ обитателей, почему и не могли на нихъ глубоко и сильно вліять и тѣмъ пробудить ихъ духовныя способности къ самостоятельной и активной дѣятельности. И, дѣйствительно, мы знаемъ, что въ Багдадѣ, Самаркандѣ и Мервѣ являлись ученые различныхъ національностей, въ числѣ ихъ были арабы, персы, гонимые и преслѣдуемые несторіане и представители различныхъ народностей Малой Азіи и Сиріи и притомъ разныхъ вѣроисповѣданій; всѣ они спокойно и свободно предавались изученію наукъ.— Но это счастливое время продолжалось сравнительно недолго. Вскорѣ, вмѣсто спокойнаго и свободного научнаго изслѣдованія, первое мѣсто заняли вопросы религіозные: явилась борьба изъ-за преобладанія вѣроисповѣданія, породившая фанатизмъ и нетерпимость и чистой наукѣ не было уже здѣсь мѣста: она оказалась уже лишней.— Кто первый внесъ духъ религіозной вражды и нетерпимости,— на это отвѣтитъ безпристрастная исторія.— Какъ извѣстно, исламъ одержалъ побѣду и, восторжествовавши надъ всѣми вѣроисповѣданіями, существовавшими въ Средней Азіи, сдѣлался яркимъ гонителемъ науки и просвѣщенія, которымъ ранѣе такъ широко покровительствовалъ; но мало этого, онъ наложилъ свою деспотическую желѣзную руку и на своихъ послѣдователей какъ прежнихъ, такъ и только-что вновь присоединенныхъ, каковыми были обитатели Средней и Центральной Азіи. Съ непонятною жестокостью и яростью, послѣ упадка арабской образованности, исламъ сталъ преслѣдовать не только все то, что носило печать иноземнаго и иновѣрнаго, но одинаково онъ уничтожалъ и искоренялъ въ своихъ вѣрныхъ поклонникахъ всякое проявленіе

свободной мысли и духа и съ такою же жестокостью подавлялъ въ нихъ малѣйшія проявленія научнаго изслѣдованія, строго заключивъ жизнь своихъ послѣдователей въ узкія, чисто формальныя и обрядовыя рамки своего вѣроученія.—Результаты такого характера дѣятельности мусульманства передъ нами на лицо. Волею историческихъ судьбъ, занявши этотъ край, мы увидѣли мѣстное населеніе униженное и угнетенное, населеніе слабое духомъ, съ подавленной энергіей и бѣдное матеріально.—Несмотря на громадныя естественныя богатства края, послѣдніе не только не обрабатывались, но почти совсѣмъ не были извѣстны здѣшнимъ обитателямъ, которые были давнишними насельниками этой страны; обработка полей была первобытная, промышленность и торговля—въ зачаточномъ состояніи, жалкая и убогая архитектура домовъ, лишенныхъ свѣта и воздуха; города съ ихъ узкими улицами, и вѣками накопившеюся грязью, служили скорѣе надежнымъ очагомъ для опустошительныхъ заразныхъ болѣзней, постоянно угрожавшихъ опасностью всей образованной Европѣ, нежели были центрами просвѣщенія. Той истинной науки, въ широкомъ значеніи этого слова, носителями которой были когда-то арабы, не было и слѣда, вся же ученость и образованность ограничивалась только дословнымъ заучиваніемъ нѣсколькихъ молитвъ изъ Корана и кое-какихъ изреченій изъ мусульманскихъ писателей, и на приобрѣтеніе этихъ жалкихъ свѣдѣній уходили долгіе годы; о больницахъ, пріютахъ и богадѣльняхъ, чѣмъ такъ гордится образованный Западъ, нѣтъ и помину; примитивные способы передвиженія, какіе существовали при Александрѣ Македонскомъ, такіе же остались и до нашихъ дней, и, кромѣ караванныхъ, никакихъ дорогъ. Общественной жизни—никакой, голосъ муллы, ахуна—рѣшающій, ему безпрекословно всѣ и вся подчиняются, въ томъ числѣ и всесильные ханы; общественнаго мнѣнія, печати, — этой шестой части свѣта, нѣтъ и въ зародышѣ; семья управляется деспотическою властью отца; женщина, лишенная свѣта и воздуха, низведена на степень скотскаго состоянія или немного того лучше.... Таково было наше впечатлѣніе при первомъ знакомствѣ съ этимъ краемъ, впечатлѣніе это, конечно, далеко не полное. Какая глубокая и неизмѣримая разница представилась между здѣшнею жизнью и жизнью

европейскою.—Съ трудомъ вѣрилось, что когда-то здѣсь процвѣтали роскошныя и блестящіе города, мало чѣмъ уступавшіе нынѣшнимъ европейскимъ, и вмѣсто теперешнихъ жалкихъ медресе существовали училища, богато обставленныя различными учебно-образовательными средствами и располагавшіе громаднѣйшими библіотеками въ мірѣ, заключавшими въ себѣ научный опытъ и знанія всѣхъ временъ.—Теперь ничего этого не было и слѣда. Мусульманство, когда-то служившее оплотомъ цивилизаціи, все истребило, все уничтожило.—И на всей жизни средне-азиатскихъ обитателей замѣчалась печать тяжелаго многовѣковаго духовнаго гнета, почему жалкими и ничтожными они казались намъ со всей ихъ культурой и со всѣмъ строемъ своей жизни; вся долгая ихъ жизнь рисуется намъ въ мрачныхъ и непривлекательныхъ краскахъ, и одною изъ главныхъ причинъ такого явленія должно признать магометанство.

Этимъ отрицательнымъ вліяніемъ мусульманства на жизнь своихъ вѣрныхъ среднеазиатскихъ обитателей, я думаю, объясняется хотя отчасти то громадное впечатлѣніе, какое на всѣхъ произвело открытіе двухъ древнихъ христіанскихъ кладбищъ близъ Токмака и Пишпека, не говоря уже о высокому научному интересу и важному историческому ихъ значеніи. Это открытіе древнихъ памятниковъ христіанства въ глубинѣ Средней Азіи краснорѣчивѣе всякихъ историческихъ свидѣтельствъ говорило, что и въ этой странѣ вѣковаго безправія и насилія были другія вліянія, совершенно чуждыя и противоположныя высказаннымъ, оно свидѣтельствовало, что и здѣсь когда-то, давнымъ давно, являлись и горячіе и смѣлые проповѣдники евангельскаго ученія, голосъ которыхъ звучалъ какъ „труба“, призывая всѣхъ во имя Христа къ любви и состраданію къ ближнему. И, какъ показало вскорѣ изученіе этихъ памятниковъ, убѣжденная и горячая рѣчь новыхъ проповѣдниковъ не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: неиспорченныя сердца дикарей-кочевниковъ вняли призыву новыхъ и чуждыхъ имъ до этого, но смѣлыхъ и искреннихъ провозвѣстниковъ слова Божія, такъ какъ немало было христіанъ-несторіанъ изъ туземцевъ, какъ гласятъ о томъ надписи на найденныхъ камняхъ, прочитанныя специалистами-учеными. Объ историческихъ свидѣтельствахъ мы уже не говоримъ, они также

служать подтвержденіемъ только-что сказаннаго. — Время существованія несторіанъ безспорно слѣдуетъ считать однимъ изъ замѣчательныхъ явленій въ духовной жизни среднеазіатскихъ народовъ, хотя продолжалось оно, повидимому, и недолго, судя по крайнимъ датамъ на камняхъ — не болѣе 118 — 120 лѣтъ, но по свидѣтельствамъ историческимъ христіанство несторіанскаго толка существовало] гораздо болѣе продолжительное время, а именно не менѣе шести — семи столѣтій.

Но еще ранѣе появленія христіанства и ислама въ Средней Азіи былъ широко распространенъ буддизмъ, который имѣлъ поэтому многихъ послѣдователей, такъ какъ буддійскіе памятники находятся здѣсь во многихъ мѣстахъ и, если не ранѣе буддизма, то, одновременно съ нимъ, имѣли мѣсто и существовали различныя дуалистическія секты, какъ-то: дейсаниты, маздакиты, манихеи и другія. „Очень вѣроятно, говоритъ В. В. Бартольдъ, что маздакиты были первыми распространителями культуры въ странѣ между Сырь-Дарьей и Чу и что они потомъ, будучи гораздо малочисленнѣе манихеевъ, подчинились ихъ вліянію.“ *) — Изъ вышеизложеннаго уже достаточно видно, какимъ различнымъ культурнымъ вліяніемъ и притомъ не только противоположнымъ, но прямо враждебнымъ одно другому, подвергались древніе обитатели Средней Азіи и въ частности Семирѣчья. Теперь же посмотримъ, какіе памятники остались и сохранились отъ далекихъ прошлыхъ временъ, памятники, на основаніи которыхъ мы можемъ судить о духовной жизни прежнихъ обитателей здѣшней мѣстности: чѣмъ жили они, что ихъ волновало и что наполняло ихъ душу. Несмотря на тѣ неблагопріятныя условія для развитія, о которыхъ сказано выше, не все же время и не всѣ ихъ силы уходили на удовлетвореніе чисто физическихъ или животныхъ потребностей; если же такъ, то каковы были ихъ духовные интересы? Духовная жизнь ихъ будетъ служить и выраженіемъ внѣшняго или матеріальнаго развитія и благосостоянія. — По условіямъ чисто личнымъ (служебнымъ) въ настоящей статьѣ я не могу упомянуть о всѣхъ памятникахъ

*) О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ до-монгольскій періодъ. В. В. Бартольдъ.

древности, находящихся въ мѣстностяхъ, которыми я обозначилъ мою статью; а упомяну кратко и укажу только тѣ памятники древности, которые мнѣ удалось посѣтить самому лично, для полноты же буду упоминать и о тѣхъ, свѣдѣнія о которыхъ мнѣ удалось собрать черезъ другихъ лицъ. Въмѣстѣ съ симъ, насколько возможно, коснусь вкратцѣ и культурнаго ихъ вліянія и значенія. Начну съ буддійскихъ памятниковъ.

II.

Въ Пишпекскомъ уѣздѣ, въ Исыгатынскомъ ущельѣ Александровскихъ горъ, верстахъ въ шестидесяти отъ Пишпека, находятся минеральные ключи, которые, по словамъ туземцевъ, своими цѣлебными свойствами съ незапамятныхъ временъ пользовались между ними широкою извѣстностью и въ настоящее время на Исыгатынскія минеральныя воды каждое лѣто стекаются больные съ различныхъ отдаленныхъ городовъ и мѣстечекъ Семирѣчья, Туркестана и Ферганы; наплывъ больныхъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Дорога, ведущая къ этимъ водамъ изъ Пишпека, довольно разработана, хотя и не во всѣхъ мѣстахъ одинаково. Ущелье, гдѣ находятся эти воды, узкое, заваленное въ обилии камнями, довольно бѣдное растительностію, но богатое дикими величавыми красотами природы; въ различныхъ мѣстахъ и на значительной высотѣ встрѣчается здѣсь, между прочимъ, такъ называемый иссыккульскій корешокъ (*Aconitus Napellus*), получившій столь широкую и вмѣстѣ съ тѣмъ печальную извѣстность, прекрасные голубые цвѣты котораго, ярко и нѣжно отсвѣчивая на сѣромъ фонѣ высокихъ плоскогорій, могутъ предательски жестоко обмануть незнакомаго съ ядовитыми свойствами этого страшнаго растенія.

Природа щедро надѣлила беззащитныхъ туземцевъ, похвалъ имъ эти минеральные ключи, которые на небольшомъ пространствѣ разсѣяны здѣсь въ обилии; къ сожалѣнію и до настоящаго времени они еще далеко не всѣ разработаны надлежащимъ образомъ. Ключи эти имѣютъ разнообразную температуру, самые горячіе имѣютъ 38—39° по Реомюру. —

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этихъ ключей, внизу ихъ, круто спустившись подъ гору, находится громаднѣйшій камень-валунъ вышиною около трехъ съ половиною аршинъ, на этомъ камнѣ высѣчено одно изображеніе Будды. Будда изображенъ сидящимъ въ цвѣткѣ лотоса или въ облакахъ *); по лѣвую сторону его находятся надписи, которыя довольно плохо видны, благодаря отчасти шероховатости самого камня, а отчасти, быть можетъ, и потому, что камень все болѣе и болѣе вывѣтривается, самое же изображеніе сохранилось вполне ясно и отчетливо.—Передъ этимъ изображеніемъ въ 1886 году была небольшая площадка полукруглой формы, обнесенная камнями, гдѣ находилось нѣсколько камней съ надписями; камни эти лежали на землѣ передъ самымъ изображеніемъ; въ грудѣ камней, которыми выложена площадка передъ буддійскимъ изображеніемъ, мнѣ также встрѣтились два камня съ тѣми же надписями.—При сличеніи, надписи на всѣхъ этихъ камняхъ оказались одинаковыми между собою какъ по формѣ и величинѣ буквъ, такъ и по расположенію ихъ; надпись, находящаяся съ лѣвой стороны изображенія, оказалась тождественною съ надписями на всѣхъ отдѣльныхъ камняхъ.—Вокругъ нѣкоторыхъ ключей я также нашелъ довольно большіе камни съ такими же надписями; камнями этими были выложены ключи; такой же одинъ камень попался мнѣ и на днѣ одного ключа съ тождественною надписью; цѣлы-ли теперь эти камни или нѣтъ, я не знаю, такъ какъ съ 1886 года мнѣ не приходилось болѣе бывать на Иссыгатынскихъ минеральныхъ ключахъ. Какъ оказалось, высѣченные на всѣхъ этихъ камняхъ надписи составляютъ магическое для буддиста изрѣченіе: „om mani pad me hum“. Даже наиболѣе ученые ламы плохо могутъ объяснить его. Предполагаютъ, что это — молитва, обращенная къ Буддѣ-Ченраизи, особенному божественному покровителю Тибета. Эти слова-санскритскія и въ буквальный переводъ значатъ: „о Богъ, сокровище въ лотосѣ, аминь,“ т. е. „О, Господи, сокровище цвѣтка лотоса“, и относится къ сказочной исторіи о перевоплощеніи

*) Трудно разобрать, потому что все изображеніе خیلی вымазано бараньимъ саломъ.

ни на благо человечества Будды Ченраизи изъ цвѣтка лотоса. *)

Надписи на всѣхъ камняхъ, какъ видно, сдѣланы были когда-то рельефно и отчетливо и мастеръ, возсоздавшій ихъ, обладалъ, по своему времени, весьма хорошимъ и совершеннымъ рѣзцомъ, которымъ и пользовался весьма искусно и умѣло, но не всѣ надписи сохранились съ одинаковою ясностью и отчетливостью. Лучше всего сохранились надписи на тѣхъ камняхъ, которые находились подлѣ самаго изображенія Будды, плохо же оказались видными надписи на тѣхъ камняхъ, которые были найдены вблизи ключей: очевидно, что послѣдніе долгое время подвергались вліянію, съ одной стороны, сырости, а съ другой стороны—дѣйствию минеральной воды.—Самое же изображеніе Будды, сдѣланное весьма тщательно и притомъ очень тонкимъ рѣзцомъ, сохранилось до нашихъ дней вполнѣ отчетливо, благодаря, быть можетъ, тому обстоятельству, что оно приѣзжающими киргизами и сартами, получившими облегченіе на этихъ водахъ, въ знакъ благодарности обильно и щедро вымазывается бараньимъ саломъ, почему оно всегда покрыто толстымъ слоемъ его, и чтобы точно снять это изображеніе, требуется немало усилій и труда удалить хотя часть этого сала, накопившагося на немъ въ теченіе многихъ и многихъ годовъ.

Когда наступаетъ вечеръ, появляется толпа дувановъ, которыхъ днемъ совсѣмъ не было видно, и они устраниваются на площадкѣ передъ изображеніемъ Будды и совершаютъ здѣсь почти до разсвѣта свои молитвенныя пѣснопѣнія; дикіе и рѣзкіе голоса ихъ, сливаясь съ глухимъ шумомъ быстро бѣгущей рѣчки Иссыгатики, далеко разносятся по ущелью; киргизы внимательно прислушиваются къ ихъ пѣнію, сарты же и татары относятся скорѣе съ пренебреженіемъ, но всѣ они одѣляютъ дувановъ преимущественно съѣстными припасами, правда, одариваютъ довольно скудно; съ наступленіемъ же дня дуваны исчезаютъ, отдыхаютъ, запасаясь силами, чтобы вечеромъ снова начать ту же безконечно однообразную пѣсню, и своимъ пестрымъ

*) Великая Замкнутая страна. Анни Марстонъ, перев. съ англійскаго П. Р. Фрейберга. Приложение къ журналу "Естествознаніе и Географія" за 1896 г. кн. 5.

пѣніемъ, соединеннымъ съ частымъ и рѣзкимъ выкрикиваніемъ, однимъ, быть можетъ, доставлять нескончаемо-пріятное удовольствіе, а другимъ безпощадно-жестоко рѣзать слухъ въ теченіе почти всей ночи и тѣмъ мѣшать спать.

На противоположной сторонѣ ущелья, прямо противъ ключей, виднѣется пещера; чтобы до нея достигнуть, приходится переизправиться черезъ бурную рѣчку Иссыгатинку; въ лѣтнее время, когда значительно прибываетъ воды, переправа черезъ нее сопряжена съ нѣкоторымъ рискомъ. По дну этой рѣчки, особенно во время половодья, то и дѣло катятся большіе камни, которые легко могутъ сбить съ ногъ животное, а съ нимъ и переправляющемуся на немъ угрожаетъ опасность по меньшей мѣрѣ искупаться въ холодныхъ и шумныхъ волнахъ бѣшено мчащейся рѣчки. Какъ передавали мнѣ, несчастные случаи съ киргизами бывають ежегодно.—Пещера, о которой я упомянулъ, по осмотрѣ ея, оказалась естественною, она образовалась отъ того, что часть нижнихъ камней вывалилась. верхніе же, громадные массивы, остались на мѣстѣ и такимъ образомъ образовали сводъ или крышку. Пещера эта довольно высокая, короткая и не глубокая, на стѣнахъ ея нѣтъ никакихъ надписей или другихъ какихъ-либо изображеній и ничего нельзя подмѣтить, что бы указывало на ея искусственное происхождение. При осмотрѣ, не найдено въ ней никакихъ остатковъ или слѣдовъ, которые бы говорили за то, что пещера эга когда-либо могла служить жилищемъ для древняго человѣка; правда, въ ненастную погоду здѣсь на время находятъ себѣ прибѣжище тѣ-же дуваны. При входѣ въ эту пещеру находится небольшой холмъ, имѣющій форму могильной насыпи; одни киргизы говорятъ, что это-могила ихняго святого Иссыкъ-ата, по имени котораго Иссыгатинское ущелье и носить будтобы свое настоящее названіе, другіе же утверждаютъ, что дуваны нарочно сдѣлали этотъ холмъ, придавъ ему видъ могилы съ цѣлью эксплуатировать наиболѣе довѣрчивыхъ туземцевъ; есть-ли это дѣйствительно настоящая могила или же только простой холмъ, сдѣланный дуванами,—рѣшить только раскопка его,—но въ полдень здѣсь нѣрѣдко можно видѣть двухъ—трехъ человѣкъ дувановъ, совершающихъ свои моленія; съ прекращеніемъ же притока больныхъ туземцевъ на минеральныя воды ни одинъ дуванъ болѣе уже

не появляется и не посѣщаетъ этой пещеры. На этой же сторонѣ ущелья встрѣчаются могилы, повидимому, весьма древняго происхожденія: онѣ идутъ неправильной или, вѣрнѣе, ломанной линіей вдоль хребта; могилы эти выложены камнями, которые расположены или въ формѣ полуовала или же неправильнаго четырехугольника; онѣ (могилы) совсѣмъ небольшія, очень мало выдаются надъ поверхностью земли, быть можетъ, потому, что время ихъ все болѣе и болѣе сглаживаетъ, такъ какъ камни, ихъ покрывающіе, болѣе, чѣмъ на половину, вошли уже въ землю или засыпаны ею. Кто нашелъ себѣ вѣчный миръ и успокоеніе въ этихъ могилахъ, находящихся въ мѣстности рѣдко посѣщаемой даже киргизами-пастухами съ своими стадами, какъ непригодной для пастбища даже въ наиболѣе лучшую и цвѣтущую пору года по малому количеству корма?—За рѣдкими и ничтожными случаями, здѣсь почти круглый годъ царитъ мертвая тишина, нарушаемая только воемъ вѣтра да глухими ударами камней, перекатываемыхъ по дну быстрой Иссыгатики, бурно мчащейся у подножія этихъ могилъ. Быть можетъ, здѣсь погребены паломники, пришедшіе издалека поклониться изображенной святынѣ и съ довольной и счастливой улыбкой испутившіе здѣсь послѣдній вздохъ, что послѣ многихъ перенесенныхъ ими лишеній и страданій въ сей жизни они наконецъ достигнуть Нирваны, „гдѣ нѣтъ ни смерти, ни увяданія“, и послѣдній предсмертный лепетъ ихъ чудной молитвы „om mani pad me hum“ съ помощью волнъ той же быстробѣгущей рѣчки, или вдругъ поднявшагося бурана, скорѣе здѣсь дойдетъ до угасающаго Будды, который есть Никто въ вѣчномъ Нигдѣ....

Минеральные ключи, какъ я выше уже упомянулъ, расположены въ узкомъ ущельѣ; въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ ключей, съ сѣверной ихъ стороны, находится высокій холмъ, который сама природа создала естественною защитой отъ вѣтровъ, дующихъ съ сѣверной стороны. По срединѣ этого холма былъ поставленъ кѣмъ-то высокій шестъ, на который признательные болѣные туземцы навѣшиваютъ кусочки разноцвѣтной матеріи. Въ 1889 году приблизительно на срединѣ этого холма, на небольшой глубинѣ, случайно были найдены сдѣланные изъ обожженной глины (терракотовыя) изображенія Будды, на которыхъ онъ представленъ въ различ-

ныхъ видахъ и въ различныхъ положеніяхъ. Всѣ они имѣютъ круглую форму, величина же ихъ немного болѣе обыкновенныхъ нашихъ медальоновъ. Доставленные мнѣ изображенія всѣ были тогда же отправлены мною въ Императорскую Археологическую Коммиссію.

Въ различныхъ мѣстахъ Чуйской долины и, между прочимъ, жителямъ селеній Сүкулукъ и Бѣловодекаго, при распашкѣ ими полей и при другихъ земляныхъ работахъ, попадаются иногда небольшіе камни, на которыхъ отчетливо и ясно высѣчены тѣже магическія и священныя для буддиста слова: „om mani pad me hum“. Приготовлялись ли эти камни здѣсь на мѣстѣ и въ частности возлѣ упомянутыхъ ключей или же усердными богомольцами привозились издалека, сказать теперь нельзя. „Эти камни приготовляются и продаются ламами и покупаются мужчинами и женщинами, которые ставятъ ихъ на стѣны, въ надеждѣ получить милость или исполненіе желанія, или же въ видѣ благодарности за благополучное путешествіе, или же чтобы получить особую благодать. Камни эти всегда предлагаютъ на улицахъ нищіе, которые получаютъ за нихъ немножко чаю или тсамбы.—Каждый прохожій долженъ купить всѣ, какіе ему предложатъ, и поставить ихъ вдоль стѣнъ своего дома или на ближайшей стѣнѣ—мани“ *). Обычай этотъ въ Тибетѣ и теперь существуетъ; такъ, когда-то и здѣсь, конечно, практиковали этотъ обычай и, надобно полагать, въ широкихъ размѣрахъ.—Да и сохранившееся до настоящаго времени у здѣшнихъ киргизовъ обыкновеніе ставить на особо чтимыхъ мѣстахъ или могилахъ шесты и украшать ихъ разноцвѣтными тряпками, класть рога и другіе предметы на такихъ мѣстахъ, не есть-ли это обыкновеніе-остатокъ старины глубокой, сохранившійся отъ жившихъ когда то здѣсь буддистовъ, съ тою только разницею, что послѣдніе на выставляемыхъ предметахъ писали всегда вышеприведенныя священныя слова, тогда какъ теперешніе обитатели Средней Азіи не дѣлаютъ этого, такъ какъ всѣ они мусульмане....

Прекрасный буддійскій памятникъ находится въ Вѣрненскомъ уѣздѣ **) на правомъ берегу рѣки Или приблизи-

*) Анни Марстонъ. Великая Замкнутая Страна.

**) Въ Копальскомъ уѣздѣ въ Балгалинской волости.

тельно въ 30 верстахъ отъ Илійскаго выселка, лично мнѣ самому не удалось его видѣть, но по моей просьбѣ его осматривали и сдѣлали прекрасное описаніе хорунжій Семирѣченскаго казачьяго полка Н. С. Созонтовъ и учитель Илійскаго выселка В. Т. Толмачевъ, — вотъ что они, между прочимъ, о немъ пишутъ. *)

„На правомъ берегу рѣки Или, въ недалекомъ разстояніи отъ берега есть скалы съ высѣченными на нихъ изображеніями боговъ и надписями. Эти изображенія и надписи находятся приблизительно верстахъ въ 30 отъ Илійскаго выселка. Дорога къ нимъ идетъ параллельно правому берегу Или, при поворотѣ же ея отъ Илійска на сѣверо-западъ, не по самому берегу, а по плоской возвышенности, въ разстояніи 2—3 арш. отъ рѣки, по самому же берегу, кромѣ верховой, никакой дороги не существуетъ. Затѣмъ невдалекѣ отъ фигуръ и надписей (примѣрно одна верста) дорога спускается къ Или и идетъ уже вдоль берега. Спускъ къ рѣкѣ, около фигуръ, довольно удобный сравнительно съ другими почти недоступными для экипажей“.

„Фигуры и надписи высѣчены на камняхъ, отпавшихъ когда-то отъ главной скалы, вышины которой не менѣе 30—35 саж. Какъ самая скала, такъ и камни, на которыхъ высѣчены фигуры и надписи — порфировыя. Вообще всѣ скалы, которыя здѣсь пробилъ Или на протяженіи 50—60 верстъ при поворотѣ ея отъ выселка Илійскаго на сѣверо-западъ, будутъ порфированнаго (т. е. гранитнаго) происхожденія.“

„По словамъ киргизовъ, такихъ фигуръ и надписей по берегамъ Или встрѣчается много, но какому народу они принадлежатъ, киргизы не знаютъ. Мѣстность, гдѣ находятся упомянутыя надписи и фигуры, у киргизовъ, носитъ названіе „Тамгаль-тасъ“, т. е. печатный камень. Достоверныхъ свѣдѣній о томъ, какіе народы обитали въ этихъ мѣстахъ, киргизамъ также неизвѣстно, но между ними держится мнѣніе, что эти фигуры и надписи — китайскія. Кромѣ того, они говорятъ, что около Тамгаль-таса зарыто большое богатство и невдалекѣ отъ этого мѣста будто бы — былъ

*) Въ сентябрѣ 1897 г. бурханы и надписи эти сняты фотографически Ст. Сов. Н. Пантусовымъ и представлены въ Император. Археологич. Коммиссію.

устроенъ черезъ рѣку Или китайскій мостъ (?), который могъ подниматься и опускаться „на винтахъ“ (?), не считаютъ ли киргизы мостомъ существующій около Тамгаль-таса бродъ*) черезъ рѣку Или, образовавшійся отъ каменнаго порога, по которому можно, будто бы, перебраться верхомъ на лошади на другую сторону рѣки. Киргизы этимъ бродомъ теперь не пользуются, но одинъ изъ кульджинскихъ правителей, будучи въ этихъ мѣстахъ и прочитавши надписи на „Тамгаль-тасѣ“, по словамъ киргизовъ, переѣзжалъ рѣку Или въ бродъ по упомянутому порогу. Очевидцы этого факта, какъ утверждаютъ киргизы, живы и теперь. Противъ означеннаго мѣста съ той стороны рѣки Или тоже имѣется доступный спускъ къ рѣкѣ между скалистыми возвышенностями.—Или въ этомъ мѣстѣ и около Тамгаль-таса имѣетъ ширины около 150 саженей.“

„Фигура главнаго бога имѣетъ вышину около двухъ саженей и высѣчена на гладкой поверхности камня: богъ этотъ изображенъ четверорукимъ, по бокамъ его на томъ же камнѣ фигуры двухъ меньшихъ боговъ, вышина ихъ $2 - 2\frac{1}{2}$ арш. На отдѣльномъ камнѣ есть изображеніе бога, надъ головою котораго извиваются змѣи; вышина какъ этого бога, такъ и другаго, но также на отдѣльномъ камнѣ и безъ змѣй,—не болѣе двухъ аршинъ. Надписи находятся какъ подъ самыми изображеніями боговъ, такъ и съ боку ихъ, или же совсѣмъ на другой противоположной сторонѣ камня. Величина отдѣльныхъ буквъ подъ фигурою главнаго бога фута $1\frac{1}{2} - 2$, а на другихъ мѣстахъ вышина буквъ въ одинъ футъ, менѣе и даже еще меньше.“ Всѣ эти надписи по своему содержанию совершенно тождественны между собою и составляютъ все тѣ же заветныя для буддиста слова „om mani pad me hum,“—безъ нихъ вѣрующій буддистъ не можетъ сдѣлать ни одного шагу, всѣ его помыслы и все вниманіе его заняты только одними этими словами, составляющими единственную священную для него молитву.

„Около Тамгаль-таса, пишутъ далѣе Н. С. Сазонтовъ и В. Т. Толмачевъ, видно нѣсколько небольшихъ насыпей, обложенныхъ камнями, повидимому—это могилы, они оваль-

*) Не есть-ли это песчанья мели и наносы, которыя бываютъ временно и о которыхъ мы иногда приходилось слышать....

ной формы, причемъ наибольшій діаметръ ихъ имѣетъ направление съ сѣвера на югъ. Къ сѣверной сторонѣ у всѣхъ могилъ камни крупнѣе, нежели къ югу, всѣхъ могилъ отъ 8 до 10, и они расположены въ два ряда въ шахматномъ порядкѣ. Противъ главнаго изображенія божества, имѣется, какъ будто, насыпь и на ней три огромныхъ камня, каждый объемомъ около 20 кубич. саженей. Между ними имѣется узкій проходъ, ведущій на верхъ этихъ камней. Кромѣ того около главнаго божества есть отверстіе, ведущее въ глубь земли, черезъ которое можно одному человѣку съ трудомъ пролѣзть, но далеко пройти нельзя, потому что оно заброшено мелкими камнями. Повидимому, это естественное отверстіе, образовавшееся отъ обрушивающихся постепенно камней, но можно предполагать, что для разработки этого отверстія прилагались труды человѣка,“ и если это было, то слишкомъ давно, прибавлю я отъ себя. Изъ присланныхъ мнѣ снимковъ съ надписей, находящихся на Тамгалъ-ташѣ, видно, что надписи эти все однородны и заключаютъ въ себѣ буддійскій догматъ „om mani pad me hum“, — Судя по тому, что тамъ находится цѣлый синклитъ буддійскихъ боговъ, мѣстность эта когда-то усердно посѣщалась вѣрующими буддистами, почему какъ эта мѣстность, такъ и прилегающія къ ней, заслуживаютъ тщательнаго и подробнаго изученія и разслѣдованія и весьма вѣроятно, что здѣсь найдутся и другіе памятники и предметы, относящіеся до древнѣйшаго буддизма, что будетъ имѣть важное значеніе для уясненія этого вѣроученія въ отдаленныя времена въ здѣшней мѣстности. Относительно же того, что существуютъ-ли на р. Или пороги въ данномъ мѣстѣ, я не знаю, не слышалъ также и отъ покойнаго И. Ф. Каменскаго, который усердно занимался изслѣдованіемъ Балхаша, знаю только, что снаряженная имъ экспедиція свободно проникла по р. Или въ это озеро.

На южномъ берегу озера Иссыкъ-куля, въ урочищѣ Акъ-терекъ, въ ущельѣ Дувана, я встрѣтилъ три громадныхъ валуна темно-сѣраго цвѣта, на которыхъ высѣчены большими буквами тѣже священныя для буддиста слова, но выбитыя здѣсь эти изреченія совсѣмъ почти уже выѣтривались отъ времени и теперь ихъ съ трудомъ можно разобрать и въ недалекомъ будущемъ они совсѣмъ исчезнутъ. Отъ кир-

гизовъ слышалъ, что по Исыкъ-кулю довольно часто встрѣчаются подобныя же надписи, но осмотрѣть таковыя лично мнѣ не удалось, за неимѣніемъ свободнаго времени. Всѣ эти надписи высѣкались вѣрующими буддистами, какъ видимъ, въ дикихъ ущельяхъ, трудно проходимыхъ, что дѣлалось ими, вѣроятно, для того, чтобы они, по возможности, дольше сохранились. „Нѣкоторые богатые и ревностные тибетскіе буддисты содержатъ артели ламъ — скульпторовъ, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы странствуя съ рѣзцомъ въ рукѣ по горамъ, доламъ и пустынямъ, всюду вырѣзать священное изреченіе „*manī*“ на камняхъ и скалахъ“ *). Если это и въ настоящее время происходитъ въ Тибетѣ, то конечно, тоже самое когда-то происходило въ древнія времена и въ Семирѣчьи, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что появившіеся послѣдователи Будды старались ревностно насадить и оставить въ новой для нихъ странѣ прочныя слѣды своего вѣроученія, почему и высѣкали эти надписи по преимуществу въ ущельяхъ на скалахъ и на маленькихъ и небольшихъ камняхъ, находимыхъ теперь большею частью случайно въ долинахъ и, надобно полагать, что религиозное чувство ревностнаго буддійскаго богослова и знаменитаго китайскаго путешественника VII в. по Р. Х. Сюань-Цзани, посѣтившаго Исыкъ-куль и другія мѣста Семирѣченской области, было вполне удовлетворено, такъ какъ ему часто должны были встрѣчаться ясные признаки, по которымъ онъ могъ судить, насколько успѣшно было распространено здѣсь ученіе Будды, но удалось-ли побывать Сюань-Цзаню на р. Или и въ частности на Тамганъ-таѣ, остается неизвѣстнымъ. — Посѣщеніе Сюань-Цзанемъ Семирѣчья и пребываніе его здѣсь, не осталось, конечно, безъ вліянія на распространеніе и упроченіе буддизма въ краѣ; этотъ путешественникъ вездѣ жилъ по долгу и все свои силы и, далеко не дюжинныя способности употреблялъ на пропаганду того вѣроученія, которое онъ самъ исповѣдывалъ и которому, какъ фанатикъ, былъ горячо и беззаветно преданъ.

Когда именно появился и началъ распространяться буддизмъ въ Семирѣчьи, объ этомъ точныхъ, или достовѣрныхъ, свѣдѣній не имѣется. Китайцы, открывшіе

*) Loc. cit.

во II вѣкѣ до Р. Х. Западный Край, завязавшіе съ нимъ дѣятельныя сношенія, застали на Исыкъ-кулѣ и въ другихъ мѣстахъ Семирѣченской области Усуней, о которыхъ у нихъ говорится, что „усуныцы не занимаются ни земледѣліемъ, ни садоводствомъ, а со скотомъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ. Въ обыкновеніяхъ сходятся съ Хуннами. Народъ (усуныцы) — суровъ, силенъ, вѣроломъ, вообще склоненъ къ хищничеству“ *). О томъ-же, какую религію усуныцы исповѣдывали, ничего не говорится, вѣроятно же всего, что усуні, какъ и другія кочующія монголо-тюркскія племена, были въ то время шаманисты, быть можетъ, они поклонялись „Духу Неба“. Есть, однако, предположеніе, что буддизмъ проникъ сюда не ранѣе II и III в, по Р. Х. Въ первоначальномъ своемъ видѣ буддизмъ былъ по преимуществу скорѣе философской, отвлеченной системой, безъ понятія о Единомъ Богѣ и отрицающимъ существованіе души, въ такомъ видѣ на широкое его распространеніе трудно было рассчитывать даже на родинѣ его, а не только среди отдаленныхъ и чуждыхъ дикарей-кочевниковъ, если бы основателемъ буддизма, Гаутамой, не была присоединена филантропическая проповѣдь, которая отличалась нообыкновенною простотою, искренностью; эта послѣдняя сторона его ученія какъ нельзя болѣе пришлась къ стати въ то время, когда право сильнаго всѣми возводилось въ законъ. На основаніи находимыхъ въ различныхъ мѣстахъ Семирѣчья изображеній буддійскихъ божествъ и камней по преимуществу съ одною и тою же надписью, упомянутою выше, надобно полагать, что къ обитателямъ послѣдняго ученіе Гаутамы проникло уже значительно измѣненнымъ, а именно въ видѣ ученія Махаяны или Малааяны, въ такой же формѣ оно исповѣдывалось въ то время и въ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ, судя по историческимъ свидѣтельствамъ, оно успѣло пустить уже глубокіе корни. Изъ Восточнаго Туркестана буддизмъ легко перешелъ на Исыкъ-Куль и далѣе. Махаянистическое ученіе, какъ извѣстно, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ различныхъ реформаторовъ, измѣнилось и изъ него постепен-

*) Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Іакинфа ч. III. С. П. Б. 1851 г.

но образовался и развился нынѣшній ламаизмъ; послѣдній съ его многочисленными обрядовыми формальностями много напоминаетъ католицизмъ. Но въ какой бы формѣ ни проникъ буддизмъ къ дикимъ кочевникамъ, обитавшимъ въ нынѣшней Семирѣченской области, все же онъ долженъ былъ произвести коренной переворотъ въ ихъ воззрѣнiяхъ, сильно повліять на весь складъ ихъ душевной жизни, что въ свою очередь должно было отразиться и на всемъ строѣ ихъ внѣшней жизни. Филантропическая сторона и въ видоизмѣненномъ буддизмѣ осталась таже, а именно, это—проповѣдь милосердія, любви и состраданія къ ближнимъ, защита и покровительство угнетенныхъ и слабыхъ отъ сильныхъ, отреченіе отъ мірскихъ благъ, нравственное совершенствованіе, постъ, воздержаніе и т. п. Эта сторона ученія буддизма по своей простотѣ и привлекательности, безспорно, была скоро понята и усвоена простыми и неиспорченными сердцами кочевниковъ нынѣшней Семирѣченской области и пришлась имъ какъ нельзя болѣе по душѣ и сердцу, ученіе это было мирнымъ, но сильнымъ протестомъ противъ всего строя и склада тогдашней жизни: постоянныя войны и набѣги мелкихъ владѣтелей между собою, непрерывныя насилія послѣднихъ надъ своими подданными и единоплеменниками, происходившія часто, и притомъ нерѣдко безпричинныя, убійства, захватъ имуществъ и всего достоянія, основанныя только на правѣ сильнаго—вотъ обычныя явленія того отдаленнаго прошлаго; понятно, что такія, повторяющіяся изодня въ день, явленія дѣлали жизнь населенія того времени не только тяжелой, но прямо невозможной, при такомъ обыденномъ порядкѣ и при такихъ обстоятельствахъ и условіяхъ личное существованіе было безцѣльно и безмысленно, почему и самая жизнь въ глазахъ обитателей-кочевниковъ не имѣла никакой цѣны. Ученіе же Будды, даже и видоизмѣненное, ясно и опредѣленно указывало цѣль, къ которой должно стремиться, и дѣлало поэтому жизнь уже осмысленной, тѣмъ болѣе, что нравственный идеалъ, исповѣдываемый буддизмомъ, отличаясь высотой, въ тоже время по своей простотѣ, симпатичности и ясности былъ вполне понятенъ кочевникамъ. Буддизмъ прежде всего проповѣдывалъ и вносилъ нравственныя основы въ жизнь, до того имъ совершенно неизвѣстныя, чѣмъ строго регулировалъ взаимныя от-

ношенія какъ властителей къ подданнымъ, такъ и послѣднихъ между собою; проповѣдую нравственное совершенствованіе, состраданіе къ ближнимъ и проч. онъ ясно и точно указывалъ и опредѣлялъ назначеніе жизни и этимъ, безспорно, воздѣйствовалъ смягчающимъ образомъ на нравы своихъ новыхъ послѣдователей; они вздохнули свободнѣе и жить имъ, быть можетъ, стало нѣсколько легче....

Извѣстно, что всѣ религіи востока, помимо своего непосредственнаго вліянія, были вмѣстѣ съ тѣмъ носителями культуры, ученіе Будды имѣло такое же значеніе. Явившіеся первые проповѣдники буддизма какъ изъ Китая и Восточнаго Туркестана, такъ и непосредственно, быть можетъ, изъ Индіи познакомили обитателей страны съ основами земледѣлія, обработкой и орошеніемъ полей, съ горшечнымъ производствомъ, съ выдѣлкой кирпича, со способами его обжиганія и т. п. Упомянутый выше китайскій путешественникъ Сюань-Цзань нашелъ, что „культура страны стояла довольно высоко, половина жителей занималась земледѣліемъ; другая половина — торговлей и видѣлъ нѣсколько городовъ между Чу и Таласомъ,“ хотя въ его время „культура страны находилась въ зависимости отъ трансоксіанской, а не восточно-туркестанской *), но въ VI и VII в. по Р. Хр., а можетъ быть и нѣсколько ранѣе, страна подчинилась уже другимъ вліяніямъ, о которыхъ рѣчь будетъ послѣ.—Къ тому же времени т. е. къ началу распространенія буддизма и сношеній съ китайцами относится и первое знакомство древнихъ жителей Семирѣчья съ металлами, а именно съ бронзой и желѣзомъ.—Въ самомъ Китаѣ желѣзо стало извѣстнымъ не ранѣе какъ за три столѣтія до Р. Хр., до того же времени у нихъ употреблялась бронза. „Китайцы знали шесть рецептовъ бронзоваго сплава: для колоколовъ и котловъ, для топоровъ и копій, для ножей, для сабель, для наконечниковъ стрѣлъ и зеркалъ.“ **). Изъ только что приведеннаго видно, что самимъ китайцамъ употребленіе желѣза стало извѣстнымъ немногимъ ранѣе знакомства ихъ съ Семирѣчьемъ. Китайскіе путешественники, при описаніи посѣщаемыхъ ими

*) В. В. Бартольдъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Туркестанѣ. Ташкентъ 1894 г.

**) Гернесь. Исторія первобытнаго человѣчества. С. П. Б. 1896

чуждыхъ странъ, всегда обращали свое вниманіе на численность войска каждаго народа и племени, что и отмѣчали аккуратно въ своихъ донесеніяхъ, причемъ выраженіе „войско“ употреблялось ими въ смыслѣ „лицъ способныхъ натягивать лукъ“, въ такомъ же смыслѣ выраженіе „войско“ употреблено ими и по отношенію къ обитателямъ Семирѣчья, а это говоритъ за то, что послѣднимъ не было еще извѣстно употребленіе металловъ въ первое время ихъ знакомства съ китайцами. Изъ словъ жалобной пѣсни китайской царевны, выданной за усуньскаго князя, видимъ *), что эта царевна жила въ „круглой хижинѣ, обтянутой войлокомъ“, слѣдовательно, наврядъ-ли столица усуньскаго владѣтеля Чигу своими постройками походила на позднѣйшіе города, видѣнные Сюань-Цзанемъ. Скорѣе столица эта была лишь — постоянное мѣстопробываніе во время лѣта и притомъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ мѣстѣ на южномъ берегу оз. Иссыкъ-куля; тѣмъ болѣе это вѣрно, что въ другомъ мѣстѣ прямо говорится, что у нихъ (усуней) „городовъ нѣтъ, а усуньцы переходятъ со скотомъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ“. **) Эти немногія историческія данныя говорятъ за то, что обитатели Семирѣчья во II в. до Р. Х. не были знакомы ни съ употребленіемъ металловъ, ни съ выдѣлкою кирпича, ни съ обжиганіемъ даже глины; со всѣмъ этимъ они познакомились не ранѣе II или начала III столѣтія послѣ Р. Х.

Всѣ видѣнные нами буддійскія надписи и изображенія боговъ на Иссыкъ-кулѣ, въ ущельяхъ Александровскаго хребта и въ Чуйской долинѣ, сдѣланы весьма тщательно и аккуратно; очевидно, что во время первоначальнаго насажденія буддизма были уже здѣсь въ употребленіи орудія изъ металла и, судя по тонкой и отчетливой работѣ вышеупомянутыхъ надписей, мастера, ихъ воспроизводившіе, обладали по своему времени совершенными инструментами. — Въ первое время, какъ это и вездѣ бывало, послѣдніе, конечно, заносимы были извнѣ, но послѣ производство ихъ происходило здѣсь, на мѣстѣ. Что обработка желѣза когда-то дав-

*) Такинфъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій въ древнія времена, часть III стр. 67. С. П. Б. 1851 г.

**) Loc. cit. стран. 162.

нымъ-давно совершалась здѣсь, на мѣстѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ встрѣчающіеся намъ во множествѣ остатки шлаковъ, находимыхъ какъ въ ущельяхъ горъ, такъ и въ долинахъ и на оз. Иссыкъ-кулѣ; въ долинахъ они нерѣдко открываются случайно при распашкѣ полей и другихъ земляныхъ работахъ; вмѣстѣ съ шлаками встрѣчаются кучи углей, очевидно,—остатки когда-то бывшихъ здѣсь кузницъ. Были-ли это странствующие кузнецы, которые переходили съ мѣста на мѣсто по мѣрѣ надобности, какъ ранѣе въ Китаѣ и Индіи—вопросъ этотъ остается открытымъ. Присутствіе желѣза въ чистомъ видѣ (въ видѣ шлиха) на Иссыкъ-кулѣ, въ Буамскомъ ущельѣ по берегу р. Чу (главнымъ образомъ около ст. Джиль-арыкь), а также въ горахъ Тянь-Шаня не могло остаться незамѣченнымъ древними обитателями и находимые въ горахъ остатки шахтъ говорятъ за то, что добываніе металловъ происходило здѣсь на мѣстѣ и, повидимому, въ довольно широкихъ размѣрахъ, но что обработка этихъ металловъ была примитивна и несовершенна—это само собою разумѣется. Годъ три тому назадъ однимъ крестьяниномъ мнѣ былъ доставленъ кусокъ бронзы или мѣди также въвидѣ шлага, найденный имъ при распашкѣ своего поля. Я осмотрѣлъ мѣсто этой находки и, кромѣ углей въблизи этого же мѣста, нашелъ нѣсколько кирпичей, черепковъ глиняной посуды и довольно порядочное количество маленькихъ кусковъ мѣди; очевидно, что когда-то какой-то древній обитатель Чуйской долины оперировалъ надъ этимъ металломъ, но насколько удачно, это покрыто мракомъ неизвѣстности, такъ какъ подробное разслѣдованіе этого мѣста дало, къ сожалѣнію, отрицательные результаты; на основаніи же этого одного факта нельзя, конечно, утверждать о существованіи бронзоваго вѣка въ здѣшней мѣстности; доставленные же мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ два предмета изъ бронзы, найденные въ Чуйской долинѣ, отличались довольно грубою отдѣлкою; очень можетъ быть, что они были и мѣстнаго производства. Предметы эти—труба и кольцо. Но и эти немногіе предметы, попавшіеся мнѣ и добытые другими, но главнымъ образомъ, какъ выше упомянуто, присутствіе нѣсколькихъ кусковъ бронзы или мѣди (скорѣе бронзы) въ одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ остатковъ отъ какого-то производства, совершавшагося здѣсь на мѣстѣ,

наводятъ на мысль, что выдѣлка предметовъ изъ бронзы или мѣди, весьма возможно, происходила въ древности и въ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской области. Не смотря на отрицательные результаты, все же это говоритъ за то, что здѣсь, быть можетъ, была стоянка, и довольно продолжительная, гдѣ древній обитатель Чуйской долины выдѣлывалъ для своей потребности, хотя грубо и аляповато, необходимые предметы, и это подтверждается еще тѣмъ, что между доставленнымъ мнѣ кускомъ мѣди, а также кусками мной найденными и выше упомянутыми немногими предметами замѣчается полнѣйшее тождество самаго матеріала какъ по цвѣту металла, такъ и по остальнымъ его признакамъ. Для подтвержденія этого требуются дальнѣйшіе факты, на что и обращаю вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей, какъ на предметъ въ высшей степени важный въ научномъ отношеніи. На дняхъ мнѣ доставленъ желѣзный молотъ весомъ въ 30 фунтовъ; найденъ онъ случайно киргизами. Молотъ, повидимому, древній, соберу подробныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи его и представлю въ областной музей. Все это немногое говоритъ за то, что обработка такихъ металловъ, какъ мѣдь и желѣзо, происходила здѣсь на мѣстѣ и употребленіе ихъ было извѣстно древнимъ обывателямъ Семирѣчья уже во II или III вѣкѣ по Р. Хр.; относительно же мѣдныхъ и бронзовыхъ вещей, находимыхъ въ озерѣ Иссыкъ-кулъ, скажу, что тѣ предметы (правда, немногіе), которые мнѣ удалось видѣть, отличаются большимъ совершенствомъ отдѣлки сравнительно съ чуйскими, какъ по формѣ, такъ и болѣе изящной обработкой въ своихъ деталяхъ; вѣроятно, что они, а также и другіе предметы, находимые въ оз. Иссыкъ-кулъ и около него, принадлежатъ болѣе культурнымъ народамъ, но никакъ не усунямъ и другимъ кочевникамъ, населявшимъ въ то время наше Семирѣчье; точно также относительно иссыкъ-кульскихъ предметовъ высказался и В. В. Бартольдъ. *)

Въ настоящей статьѣ я указалъ только на нѣкоторые буддійскіе памятники и отмѣтилъ вкратцѣ культурное вліяніе буддизма, который когда-то, повидимому, былъ широко

*) В. В. Бартольдъ. Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Туркестанѣ. Ташкентъ, 1894 г.

распространенъ въ здѣшнемъ краѣ. Буддизмъ, какъ извѣстно, безъ монастырей и монашества живущихъ въ нихъ ламъ — немислимъ. Въ Китаѣ, гдѣ онъ появился въ I вѣкѣ по Р. Хр., съ самаго начала своего тамъ, сталъ усердно насаждать монастыри; то же самое, конечно, происходило и въ другихъ странахъ. Точно также и въ Семирѣчѣ, по мѣрѣ его распространенія, выросли и буддійскіе монастыри, и ихъ, вѣроятно, было немало, и также „они были переполнены безчисленнымъ множествомъ духовныхъ лицъ, проводившихъ свое время въ изученіи великаго буддійскаго закона“, а болѣе въ праздности, или же занимавшихся выдѣлкою разныхъ мелкихъ бездѣлушекъ религіознаго культа и снабжавшихъ ими за недорогою цѣну простыхъ, довѣрчивыхъ кочевниковъ, которые видѣли въ этихъ предметахъ вѣрное средство для своего спасенія.—Такъ было и въ Восточномъ Туркестанѣ во время Сюань-Цзая, гдѣ онъ то и дѣло встрѣчалъ, пріятные его сердцу, монастыри, переполненные ламами; нравы жителей по большей части, по его отзыву, были добрые и мягкіе, народъ отличался трудолюбіемъ и земледѣліе процвѣтало; въ этомъ отношеніи вліяніе буддизма имѣетъ положительное значеніе, онъ по существу своего ученія способствовалъ мирнымъ занятіямъ и тѣмъ давалъ толчекъ къ осѣдлости. Но тотъ же буддизмъ, проводя и проповѣдуя прекрасныя, высокія нравственныя начала, до того неизвѣстныя кочевникамъ, и знакомя ихъ съ новыми условіями и средствами для существованія, въ то же время всѣмъ своимъ ученіемъ, ученіемъ о Нирванѣ, какъ конечной цѣли земной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ внесенными въ позднѣйшее время обрядовыми формальностями, имъ же нѣсть числа, наложилъ свою властную, деспотическую руку на умъ и сердце своихъ новыхъ послѣдователей и тѣмъ окончательно обезличилъ и парализовалъ ихъ юныя духовныя силы и способности, и такое вліяніе буддизмъ имѣлъ вездѣ, куда онъ ни проникалъ. Если кочевники до того были поработаны и покорялись грубой физической силѣ, требовавшей знаковъ внѣшней покорности, то буддизмъ поработилъ ихъ духовно и матеріально, вмѣшавшись во внутреннюю жизнь своихъ поклонниковъ, онъ сдѣлался властелиномъ ихъ душъ, ихъ совѣсти, и каждый шагъ ихъ подчинилъ своему контролю. „Буддистъ—наиболѣе молящійся

человѣкъ на свѣтъ. Магометанинъ не можетъ съ нимъ въ этомъ сравняться; буддистъ молится губами, молится, вертя рукою колесо, молится съ помощью машины, воды или вѣтряной мельницы, молится съ помощью цѣлыхъ ярдовъ коленкора, съ отпечатанными на немъ тысячами молитвъ, привязанныхъ къ высокимъ шестамъ, чтобы съ помощью вѣтра они могли быть донесены до угасшаго Будды, который есть Никто въ вѣчномъ Нигдѣ*. *) — Какъ видно, находчивыми ламами были изобрѣтены и пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы ихъ послѣдователи не проводили ни одного часа, ни одной минуты въ своей жизни безъ молитвъ Тому, который есть Никто, и при томъ молящіеся, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не понимали значенія молитвъ, да этого отъ нихъ нисколько и не требовалось, требовалось же только исполненіе безчисленныхъ внѣшнихъ церемоній и обрядовъ, смысла которыхъ они и подавно не понимали. При такомъ характерѣ этого вѣроученія не могло быть мѣста для развитія и пробужденія юныхъ духовныхъ силъ кочевниковъ: пытливость ума ихъ заглушалась въ самомъ началѣ ея проявленія, не было мѣста для выраженія личной свободной воли индивидуума и его желанія. Эта религія, по прекрасному выраженію Гернеса, заключаетъ въ себѣ ослабленіе энергіи, почему буддизмъ въ самомъ началѣ уже обрекъ своихъ послѣдователей на неподвижность и полный застой, что равносильно медленной смерти. Точно также при такихъ условіяхъ и культура страны, не смотря на то, что буддизмомъ были внесены кое-какіе новые зачатки, не могла достигнуть болѣе или менѣе широкаго развитія: она остановилась въ самомъ зародышѣ, что мы и теперь видимъ въ Тибетѣ и въ Монголіи. Постоянно молиться, лишь бы молиться, безчисленное множество разъ въ теченіи дня повторять непонятныя слова молитвы, а если кто не знаетъ никакой молитвы, то твердить безъ конца одно „om mani pad me hum“ или же, въ крайнемъ случаѣ, хотя только одно слово „mānī, mānī...“ и притомъ не только по всякому ничтожному случаю или поводу, но и безъ этого—все равно буддистъ долженъ молиться, а если для этого

*) Анни Марстонъ. Великая Замкнутая страна. Естествознаніе и Географія 1896 г. кн. 5, май.

нѣтъ никакого предлога, то онъ молится Ничему и Никому, но постоянно молится.... Отъ такой молитвы вѣтъ холодомъ и безжизненностью. Что можетъ быть безцѣльнѣе, безсодержательнѣе и несчастнѣе такого постоянного времяпровожденія! Подобная религія въ корнѣ убиваетъ духовную энергію ея послѣдователей.

Такимъ образомъ, не смотря на высокое нравственное ученіе, буддизмъ въ сущности не много внесъ въ жизнь древнихъ кочевниковъ, обитавшихъ въ нынѣшней Семирѣченской области, и, стремясь достигнуть Нирваны, они попрежнему почти одинаково были безсильны и безпомощны какъ въ борьбѣ съ природою, такъ и съ внѣшними врагами, частое и неожиданное нападеніе которыхъ составляло въ то время обычное явленіе; но и при такомъ характерѣ своего вѣроученія буддизмъ просуществовалъ здѣсь нѣсколько столѣтій и успѣлъ пустить довольно глубокіе корни въ странѣ, пока нахлынувшее съ Запада мусульманство не уничтожило его совсѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ приступовъ, такъ какъ, не смотря на свою дряблость, буддизмъ все же не уступилъ безъ боя своего мѣста. Историки говорятъ, что между мусульманами съ одной стороны и китайцами (кара-кидаными) и тибетцами съ другой происходила не одна кровавая битва въ долинахъ рѣкъ Чу и Таласа; эти долины не разъ были нѣмыми свидѣтелями страшныхъ битвъ двухъ прямо противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу міровъ: мусульманскаго и буддійскаго, сходящихся на берегахъ Чу и Таласа и съ удивительною энергіею сражавшихся какъ за обладаніе этой страной, такъ и за дальнѣйшее распространеніе своего вѣроученія. Но послѣ нѣсколькихъ такихъ битвъ буддисты должны были уступить свое мѣсто болѣе энергичнымъ и мужественнымъ мусульманамъ, которые и стали полными властителями страны съ конца XII вѣка, а можетъ быть и ранѣе,—точныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ у меня не имѣется. Лѣтъ 8 тому назадъ одинъ старикъ-киргизъ мнѣ передалъ, что между ними существуетъ преданіе, слышанное имъ часто во время его молодости отъ стариковъ, что на мѣстности, находящейся между рѣкою Чу съ одной стороны и болотами, образуемыми и идущими отъ рѣчки Аларчинки, предки ихъ застали массу человѣческихъ костей, въ безпорядкѣ валявшихся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ,

почему они и полагають, что здѣсь когда-то происходила большая битва, но между какими народами—они сказать не могутъ. Кости эти ихъ предки побросали частью въ аларчинскія болота, а частью зарыли въ землю по приказанію какого-то хана. Мѣстность эта находится въ 16—18 верстахъ отъ Пишпека; пожалуй, что въ этомъ преданіи есть и нѣкоторая доля правды, такъ какъ весьма возможно, что коварные мусульмане хитростью завлекли сюда простодушныхъ *китайцевъ* (?) и тѣмъ разставили имъ своего рода естественную западню, гдѣ они легко ихъ и перебили. Этотъ же киргизъ указывалъ мнѣ мѣсто, гдѣ зарыты валявшіеся когда-то во множествѣ кости, но, насколько это послѣднее достовѣрно, не знаю.

Высѣкали буддисты изображенія боговъ именно въ дикихъ ущельяхъ вблизи рѣкъ и рѣчекъ, вѣроятно, потому, чтобы по возможности эти священные и драгоценныя для нихъ изображенія сохранить также для потомства, и, кромѣ того, они могутъ меньше подвергаться разрушенію и истребленію, а съ другой стороны, быть можетъ, и для того, чтобы вѣрующіе, проходя на поклоненіе изображенной святыни, могли при своихъ молитвахъ пользоваться здѣсь и естественными силами природы (водой, вѣтромъ и проч.), при помощи которыхъ ихъ молитвенныя вертушки скорѣе и быстрѣе вращались бы и такимъ образомъ молитвы скорѣе доходили бы до Того, который есть Никто....

Но исчезли буддійскіе монастыри безслѣдно, давно уже сгнили длинные шесты, стоявшіе на высокихъ холмахъ, увѣшенные разноцвѣтнымъ тряпьемъ съ написанными на нихъ священными молитвами, нѣтъ и слѣда отъ тѣхъ проволокъ, которыя перекидывались черезъ долины съ нацѣпленными на нихъ длинными лентами, высоко развѣвавшими по воздуху съ тѣми же молитвами или несчетное число разъ написаннымъ однимъ „*om mani pad me hum*“; не осталось ровно никакихъ воспоминаній о тѣхъ пышныхъ и трогательныхъ церемоніяхъ, которыя когда-то торжественно были совершаемы ламами въ яркихъ одѣяніяхъ, со всѣми атрибутами своего религіознаго культа, вокругъ бесплодныхъ горъ и дикихъ скалъ, и въ большинствѣ случаевъ всегда въ сопровожденіи большой толпы вѣрующихъ паломниковъ, стекавшихся нерѣдко издалека и жаждавшихъ всѣ-

ми своими слабыми духовными силами, путем медленнаго самоумерщвленія, достигнуть блаженнаго состоянія, т. е. Nirваны; церемоніи эти, какъ извѣстно, продолжались часто по нѣсколько дней; много вѣковъ уже не раздается болѣе голоса ламъ, которые морочили когда-то усердно бѣдный темный людъ и жили праздно на ихъ счетъ; прахъ, какъ тѣхъ, такъ и бѣдныхъ кочевниковъ, вѣрныхъ послѣдователей буддизма, одинаково разсѣялся въ безконечномъ міровомъ пространствѣ, но эти бѣдные сыны степей, твердо вѣровавшіе въ простотѣ своего наивнаго сердца и чистодѣтскаго ума, что наконецъ-то они обрѣли истину, которой такъ давно жаждала ихъ юная душа,—счастливыми ушли въ другой міръ *); нельзя теперь найти ни малѣйшаго слѣда хотя бы одной небольшой стѣны, на которыхъ во множествѣ клались камни съ надписями „om mani pad me hum“; исчезли также безслѣдно, наполнявшія окрестный воздухъ шумомъ и трескомъ, молитвенныя мельницы и вертушки, „душеспасительное дѣйствіе которыхъ, по словамъ вѣрующихъ буддистовъ, не только трудно выразить словами, но даже и невозможно себѣ представить“,—отъ всего этого нѣтъ теперь никакихъ слѣдовъ и въ настоящее время, по прошествіи нѣсколькихъ длинныхъ столѣтій со дня окончательнаго уничтоженія здѣсь буддизма, бѣдная и несчастная эта страна до прихода русскихъ была свидѣтелемъ еще не одной жестокой драмы и пережила не одно вліяніе, и лишь о былой религіозной атмосферѣ, внесенной буддистами изъ Китая и Индіи и когда-то широко наполнявшей нашу страну, напоминаютъ только высѣченныя на скалахъ надписи, да случайно нерѣдко находимые въ долинахъ небольшіе камни со священными, хотя и непонятными, для буддиста словами „om mani“ и изображенія боговъ **), встрѣчающіяся въ узкихъ и трудно доступныхъ ущельяхъ и горныхъ

*) Тибетцы хоронятъ своихъ покойниковъ различными способами: сожигаютъ, бросаютъ въ воду или оставляютъ на воздухѣ на высокихъ мѣстахъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и птицамъ, нѣкоторыхъ потомъ зарываютъ въ землю.

**) Давно уже мнѣ передавали, что въ Чалдаварскомъ ущельи также есть изображенія буддійскихъ божествъ и надписи, но провѣрить самому не удавалось.

проходахъ. Холодомъ и безжизненностью вѣетъ отъ этихъ изображеній: ни одной человѣчной черты не проглядываетъ въ нихъ, и не эта религія съ ея мертвенными богами способна была согрѣть горячею и теплою любовью сердца бѣдныхъ кочевниковъ и провести ихъ жизнь по пути дальнѣйшаго мирнаго развитія какъ морально духовнаго, такъ и матеріальнаго. Выраженіе всѣхъ видѣнныхъ мною этихъ боговъ одинаково: всѣ они своимъ видомъ напоминаютъ мнѣ смѣющихся мертвецовъ, какъ бы съ торжествующимъ злорадствомъ говорящихъ, что, несмотря на всѣ успѣхи ума и человѣческаго генія, все это есть ничто и полное счастье и удовлетвореніе своимъ желаніямъ и забвеніе всѣхъ перенесенныхъ несчастій и испытанныхъ бѣдствій каждый найдетъ только тогда, когда будетъ стремиться къ Нирванѣ!... Неужели они правы!...

О другихъ археологическихъ памятникахъ, ихъ историческомъ значеніи для края и культурномъ вліяніи.... до будущаго года!!

Θ. Полярковъ.

Г. Пишпекъ

1897 года 18 декабря.